

В. В. Керов

**МАРИЯ МОРОЗОВА И ДРУГИЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ
СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

УДК 94 (470) «18/19»

ББК 63.3 (2) 531

В статье выявляется роль женщин-старообрядок в развитии российского предпринимательства. В старообрядчестве, где необходимо было добывать средства для обеспечения жизнедеятельности общин, для увеличения их числа и влияния, для их защиты от преследований властей, женщина занимала значительное место. В предпринимательстве она также играла важную роль. Выдающимся, но и типичным примером этого служит деятельность М. Ф. Морозовой (1830–1911). Она, как это характерно для многих российских предпринимателей-старообрядцев независимо от их пола, сохраняла традиционалистские черты в быту, ведя при этом широчайшую социально-благотворительную работу, всеми средствами способствуя распространению образования на предприятии, которым руководила, и в стране в целом, а главное — активным образом участвуя в модернизации своего огромного предприятия.

Ключевые слова: *Россия, индустриализация, старообрядчество, предпринимательство, женщины, гендерный статус, благотворительность, просвещение, менеджмент*

В новейшей историографии вполне аргументирована точка зрения о старообрядчестве как религиозно-хозяйственном сообществе, ставшем одним из лидеров в протоиндустриализации и в последующем развитии промышленности и торговли в России. В изучении истории старообрядческого предпринимательства сложилось два основных направления.

В одном выявляется и уточняется статистическая составляющая — подсчитывается доля староверов-предпринимателей среди российских хозяйственников. Общий вывод содержит утверждение, что доля старообрядцев в предпринимательских слоях, прежде всего в купечестве, значительно превышала их удельный вес среди населения любого региона страны независимо от уровня его развития.

Представители другого направления сконцентрировали свои усилия на выяснении основных профессионально-этических, социальных, юридических и других факторов формирования лидерства старообрядцев-предпринимателей. Уже не вызывает сомнений вывод о том, что профессионально-этическая система старообрядчества оказывала значительное влияние на формирование и развитие в его среде предпринимательства. Верочительные положения, религиозные ценности, нравственные институты и социально-психологические установки

староверов формировали у них мотивацию к активной торгово-промышленной деятельности. Это влияние было поддержано социоконфессиональными факторами и усилено антистарообрядческой государственной политикой.

Кроме того, появились работы о факторах и статистике успешной деятельности не только старообрядческих предпринимателей, но и мелких субъектов хозяйствования, прежде всего крестьян. В рамках истории старообрядческого предпринимательства опубликованы работы и с другой проблематикой, в частности посвященные деловой культуре староверов. Однако до сих пор не получил полноценного научно-исторического рассмотрения один из важнейших аспектов экономической деятельности «ревнителей древнего благочестия». Речь идет о роли женщин в старообрядческом бизнесе.

В старообрядчестве женщина вообще занимала значительное место, отличное от ее гендерного статуса в остальной части православного социума. По мнению видного старообрядческого писателя И. А. Кириллова, «в старообрядчестве женщина получила преимущества. Во многом ее статус уравнивался с мужским».¹ Это было связано с рядом факторов,

Керов Валерий Всеволодович — д.и.н., профессор Школы исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
E-mail: vvkerov@gmail.com

¹ Кириллов И. А. Наш грех // Старая Русь. 1912. № 5. С. 79. Дело доходило до того, что, предоставляя женщинам право заниматься «мужским» делом, мужчины-старообрядцы в свою очередь не гнушались иногда «женскими» занятиями. Так, например, те из крестьян-старообрядцев Центральной России, кто не уходил зимой на промыслы, часто пряли «вместе с женщинами и девками» (Синицын И. И. Отчет «О расколе в Ярославской губернии» // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1862. Вып. 4. С. 166).

которые, в целом, выявлены и описаны в литературе.²

Во-первых, более высокий уровень грамотности у старообрядцев, чем у соответствующих социальных групп из паствы синодальной церкви, поддерживался в основном женщинами: преподавание было их прерогативой. Во-вторых, не менее важен для статуса женщины-старообрядки был тот факт, что она активно участвовала в духовной жизни и религиозной полемике. Это признавали даже гонители старой веры. Уже в начале XVIII в. Димитрий Ростовский, познакомившись со старообрядчеством в Ростовской епархии, отмечал: «...почти в каждом городе изобретается особая вера; простые мужики и бабы (здесь и далее курсив мой. — В. К.) догматизируют и учат о вере». Миссионер официальной церкви, приехавший в Стародубье в 1723 г., с неодобрением (и очевидным преувеличением) отметил: «...что двор, то учитель, а что баба, то типик». В первой половине XIX в. другой «борец с расколом» — Феофилакт Тверской — повторял: у старообрядцев «что мужик — то вера, что баба — то устав».³ В-третьих, в условиях государственных репрессий против старообрядчества и, соответственно, высокой ценности личных усилий подвижников старой веры женщины активно участвовали в строительстве и функционировании старообрядческих общин, являясь, в частности, их наставницами.⁴

В предпринимательстве, где аккумулировались средства, необходимые для «сохранения и возрастания веры» (для содержания общин, обеспечения их жизнедеятельности, увеличения их числа и влияния), а также для защиты общин староверов от преследований властей, женщины также играли важную роль.

Имперское законодательство в целом не препятствовало участию женщин в хозяйственной деятельности: в вопросе приобретения имущества путем покупки, пожалования или дарения женщина обладала равными правами

с мужчинами, также женщины имели право владеть и управлять предприятиями. В отличие от Западной Европы, в России имущество жены являлось «обособленной массой» и владелица распоряжалась им самостоятельно: могла, например, совершать гражданские сделки и выдавать векселя. Вдовы и разведенные могли выбирать купеческие и промышленные свидетельства на свое имя и под свою ответственность.⁵ Женщины были правомочны оперировать также имуществом мужа, но лишь по его доверенности.

Вместе с развитием старообрядческого хозяйствования указанные факторы обусловили широкое и довольно успешное участие женщин-старообрядок в предпринимательстве. Чаще всего это были вдовы, но иногда старообрядки наследовали имущество от других родственников или приобретали его самостоятельно. При этом женщины-староверки вполне эффективно руководили своим делом, независимо от его происхождения. Так, купеческая вдова А. Куприянова с большой прибылью управляла шерстопрядильной фабрикой в Богородске, перешедшей впоследствии к наследникам. Не менее успешной была купчиха П. А. Гольская, завещавшая большую часть своей собственности Рогожскому «богаделенному» дому и др. Даже среди федосеевцев и в других безбрачных согласиях, где статус женщины был ниже,⁶ еще в первой половине XIX в. купчихи Кузнецова, Марья Хлебникова и многие другие также пользовались значительным авторитетом и получали большой доход.⁷

Аналогичная ситуация наблюдалась во многих регионах России. Среди наиболее крупных и авторитетных представителей старообрядческого «ревельского купечества», подписавших в 1818 г. доверенность М. Д. Королькову как смотрителю старообрядческого

² См.: Женщина в старообрядчестве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2006.

³ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. М., 1993. Кн. 8. С. 327; Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII-XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 280; Кельсиев В. Предисловие // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1860. Вып. 1. С. XV.

⁴ Подробнее об этом см.: Керов В. В. Место женщины в старообрядческом сообществе и предпринимательстве // Женщина в старообрядчестве. С. 14-23; Он же. «В старообрядчестве женщина получила преимущества»: гендерный статус женщины в староверии и его факторы // Частное и общественное: гендерный аспект: материалы Четвертой междунар. науч. конф. РАИЖИ. М., 2011. Т. 1. С. 168-173.

⁵ См.: Поткина И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России XIX — первая четверть XX в. М., 2009. С. 85, 86; Волошина Е. С. Юридические аспекты женского предпринимательства в России в 1910-1917 гг. // Конференция, дискуссии, материалы. 2004. М., 2003. С. 45-52.

⁶ «Женский пол в семействах федосеевских покорен депозитизму мужчин» и отличается «неизъяснимым повиновением», — доносил агент полиции в середине 1840-х гг. (Дневные дозорные записи о московских раскольниках. Сообщено А. А. Титовым. М., 1885. С. 121).

⁷ См.: История Преображенского кладбища // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 1. С. 57; Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожскую заставою. М., 2005. С. 111. См. также: Синицын И. И. Указ. соч. С. 176; Стадников А. В. Список купеческих старообрядческих фамилий Москвы (XIX — начало XX вв.) // Мир старообрядчества. История и современность. М., 1999. Вып. 5. С. 357, 369.

кладбища и богаделенного дома, также есть женщины — Ф. А. Пыхтина, А. Т. Воронова, А. И. Канаева и А. Тимофеева. Многие сибирские промыслы находились в руках женщин-староверок, и достаток скапливался в женских руках. В Западной Сибири существовали целые старообрядческие села, где основную роль в хозяйстве и предпринимательстве играли женщины, а не мужчины. Выдающиеся результаты женского труда в Сибири обеспечивали им особое уважительное отношение в семье и в обществе. На Алтае часть фирм возглавляли женщины. Так, Е. Г. Морозова, унаследовавшая дело после смерти мужа — крупного торговца, за 14 лет своего руководства смогла не только сохранить бизнес, но и упрочить его, превратив компанию из торговой в торгово-промышленную. И среди белорусских староверов в документах XVIII–XIX вв. упоминаются женщины-предприниматели, в том числе весьма состоятельные. К концу XIX в. число таких женщин в России выросло.⁸

В ряде случаев торговые и промышленные заведения записывались на жен старообрядческих предпринимателей при их жизни, и далеко не всегда эта запись была формальной. У староверов участие женщин в организационно-хозяйственной деятельности было в порядке вещей. Так, основатель знаменитой династии М. Я. Ребушинский⁹ отличался патриархальными традиционалистскими взглядами, суровым отношением, и даже недоверием, к близким, в том числе к детям. Он мог строго наказывать сына, пытавшегося учиться музыке, не признавал «книжного обучения» и пр., но в деле полностью доверял жене, советовался с ней и в итоге только ей завещал свое дело. Лишь после ее ранней кончины Ребушинский изменил завещание в пользу детей.¹⁰ В 1860–1870-е гг. жена И. И. Бутикова Анфиса Федоровна (урожд. Соколова) формально и

фактически была директором «Т-ва м-р И. Бутикова». Известны и другие примеры.¹¹

Следует отметить и такое явление, как «торгово-промышленные» браки. Так, после заключения брачного союза Н. А. Блинова и Е. А. Бугровой две крупнейшие старообрядческие фамилии Нижнего Новгорода частично объединили свои капиталы, а главное, свои предпринимательские таланты: семьи «вели согласованную политику в торговле и финансах».¹²

Участие женщин в организационно-экономической деятельности староверов очевидно, но еще значительнее их роль в реализации важнейшей функции старообрядческого предпринимательства — в перераспределении прибылей предприятий с целью «поддержания веры» и общины.

Финансовые возможности и участие женщин-старообрядок в управлении предприятиями позволяла им и, в определенном смысле обязывала их активно участвовать в деятельности различных благотворительных организаций. Внутриконфессиональная материальная поддержка и многочисленные взносы не были проявлением лишь милосердия, благотворительностью в современном смысле этого понятия. Даже если речь не шла о поддержании староверческих общин, перераспределение прибыли представляло собой исполнение главного конфессионального долга предпринимателей-староверов, их христианского подвига.¹³

Женщины-предприниматели не только содержали на свои средства моленные, как, например, М. Хлебникова, Кузнецова и другие их единоверки в 1840-е гг. в Лефортовской части. Они наравне с мужчинами «добровольно-обязательно» возвращали значительную часть прибыли от «Божьей собственности» в общину. Так, купеческая дочь Варвара Ефимовна Грачева в 1840-х гг. из своих доходов передавала на нужды кладбища ежемесячно огромную сумму — 1 000 руб. Эта функция, как и участие в ее реализации женщин, сохранялась на протяже-

⁸ См.: Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни. Новосибирск, 1989. С. 98; Беспалова Ю. М. Ценностные ориентации предпринимателей в России (на материалах западносибирского предпринимательства второй половины XIX — начала XX вв.). СПб., 1999. С. 64; Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Тарту, 2004. С. 104; Кусова И. Г. Рязанское купечество: очерки истории XVI — начала XX в. Рязань, 1996. С. 120; Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Купечество Алтая. Барнаул, 2001. С. 81, 82; Горбацкий А. А. Старообрядчество на белорусских землях. Брест, 2004. С. 118, 164, 167; и др.

⁹ Михаил Яковлевич подписывался именно «Ребушинский». См.: Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 13, 18, 26.

¹¹ См., напр.: Борисов В. В. Мумриковы // Старообрядчество: История, культура, современность: материалы. М., 2002. С. 126; Доулинг К. Купцы-старообрядцы Бутиковы // Старообрядчество: История, культура, современность: материалы. М., 2005. Т. 1. С. 216.

¹² Макаров И. А. Уважаемые граждане Нижнего Новгорода // Каждый род знаменит и славен. Из истории нижегородского предпринимательства XVII — начала XX века. Нижний Новгород, 1999. С. 78.

¹³ Подробнее об этом см.: Керов В. В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004. С. 450–496.

нии всего XIX в. и не исчезла после смягчения отношения государства к старообрядчеству. Так, в начале XX в. П. А. Жученкова, как и некоторые другие предпринимательницы, оказывала «материальную помощь» для проведения старообрядческих съездов.¹⁴

Здесь важно то, что для староверок речь шла не только о передаче средств, но и об организации этого процесса. Так, А. Г. Мусорина и А. В. Федотова избирались в совет Московского старообрядческого благотворительного общества. В конце XIX в. в Рогожской старообрядческой общине было учреждено особое «женское попечительство о призреваемых», состоявшее исключительно из «женщин-благотворительниц». Его членами были избраны А. К. и О. В. Рахмановы, П. И. Милованова, Е. Е. Дмитриева, З. А. Федотова, Е. С. Федорова, С. Ф. Соболева и Н. В. Кузнецова.¹⁵

Женщины также, если это было необходимо, готовы были взять на себя функцию хранительниц «собственности веры и общины». Так, власти запрещали староверам завещать наследство общинам. Редким случаем стало утверждение Правительствующим Сенатом при Павле I в 1799 г. завещания И. Ф. Долгова, по которому Выголексинское общежительство стало владельцем участка земли и строений между Моховой и Фонтанкой. Но когда при Николае I власти еще раз подтвердили запрет на право собственности для староверческих общин, построенный дом с участком земли был передан наследнице И. Ф. Долгова. Свидетели и современники прекрасно знали при этом, что, «несмотря на эту формальную передачу, по документам, означенный дом все-таки считается [самими старообрядцами] собственностью Выголексинского монастыря и высылает доходы на Выг до 30 000 р. ежегодно».¹⁶

Старообрядки не ограничивались, конечно, «благотворительностью» внутри согласий: они развернули во второй половине XIX — начале XX в. широчайшую внеконфессиональную деятельность.

Многие предпринимательницы-старообрядки прославились в российской истории, но наиболее типичным и в то же время экстраординарным в смысле масштаба случаев совме-

щения различных видов участия как в управлении предприятием, так и в перераспределении его прибыли является деятельность Марии Федоровны Морозовой.¹⁷ Вообще, ее личность и деятельность представляют собой квинтэссенцию участия старообрядок в российской модернизации.

Считается, что наиболее точное мнение о людях складывается из описаний их родственников. Вот как описывал свою знаменитую прабабку советский журналист С. Т. Морозов: «[Мария Федоровна Морозова] не интересовалась современным печатным словом... Занимая вместе со своими приживалками особняк в двадцать комнат, она не пользовалась электрическим освещением. Не решаясь из боязни простуды мыться горячей водой с мылом, предпочитала всевозможные одеколоны... она прожила последние два десятилетия своей жизни безутешной вдовой...» Сына своего Сергея убеждала в том, что это блажь — давать деньги на какие-то кустарные промыслы, на строительство музея, помогать безродному «живописцу какому-то». «И зачем... дался тебе, московскому барину, этот безродный евреенок?» — якобы, говорила она сыну о Левитане.¹⁸

Кроме того, правнук, со слов старших родственников, утверждал, что у его прабабки была «дурная наследственность... не зря старшая дочь потеряла рассудок». Для Марии Федоровны характерны были якобы «причуды», «самодурство», «болезненная мнительность», «маниакальная религиозность», «показная добродетель» и в то же время «стяжательство и властолюбие».¹⁹

Была ли в действительности Мария Федоровна такой одиозной «прародительница обширного “клана” Морозовых»? Источники помогают представить иную картину.

¹⁴ См.: История Преображенского кладбища. С. 57; Донская старообрядческая епархия // Старая Русь. 1912. № 11–12. С. 200.

¹⁵ Московское старообрядческое благотворительное общество // Старая Русь. 1912. № 7. С. 123; Юхименко Е. М. Указ. соч. С. 66.

¹⁶ У Петербургских старообрядцев. Б. м., б/г. С. 54, 55.

¹⁷ М. Ф. Морозова (9.02.1830—18.07.1911) — дочь крупного московского купца Ф. С. Симонова. Много читала, знала французский язык. В 16 лет была отдана за 23-летнего Т. С. Морозова. Родила ему 9 детей. Значительную часть собственности Т. С. Морозов записывал на Марию Федоровну (дом Морозовых в Б. Трехсвятительском пер. и др.). Устраивала престижные вечера для купеческой молодежи. Участвовала в делах предприятия. После смерти мужа стала главной совладелицей «Т-ва Саввы Морозова Сын и Ко» (биографические данные о Морозовой см.: Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998; Ульянова Г. Н. Женщины семьи Морозовых: благотворительность как семейная традиция // Морозовы и их роль в истории России: труды первых Морозовских чтений. Ногинск, 1995. С. 115–121; Филаткина Н. А. Морозовы // Экономическая история: энциклопедия. М., 2008. С. 1405–1409; и др.).

¹⁸ Морозов С. Т. Дед умер молодым: документальная повесть. М., 1992. С. 81, 82.

¹⁹ Там же. С. 88, 89.

«Показной» характер добродетели опровергается со всей очевидностью широчайшей, легендарной ее благотворительностью. Старообрядческой церкви Морозова выделяла огромные суммы. Например, в 1890 г. она попросила принять очередной взнос в размере 50 тыс. руб. наличными (!) в пользу Рогожского «богаделенного» дома, где фактически располагалась резиденция архиепископии «Московской и Всея Руси» поповцев (ныне Русская православная старообрядческая церковь). Проценты в этого взноса предстояло получать «настоящим и будущим Попечителям Богаделенного Дома и употребить их на нужды старообрядческого общества», а если «богаделенный» дом будет закрыт (старообрядцы опасались новых репрессий), то все деньги и проценты с них «поступают в полную собственность Рогожского старообрядческого общества».²⁰

Широчайшей была благотворительность Морозовой вне деноминации. Она «единственная среди российских купчих» была награждена Мариинским знаком отличия «за 25 лет беспорочной службы» в благотворительных заведениях. Ее пожертвования и активная благотворительная деятельность подробно описаны в литературе²¹ и отражены в источниках.²² Кроме ее деятельности в общенациональном масштабе как почетного члена Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (с 1891 г.),²³ в источниках упоминаются многочисленные постоянные взносы Марии Федоровны на поддержку социальных заведений Москвы и Владимира (главные предприятия «Т-ва Саввы Морозова сын и К^о» находились в то время во Владимирской губернии). Так, будучи членом Попечительского совета Иверской общины Красного Креста (ежегодный взнос составлял 500 руб. в кассу лечебницы), Мария Федоровна периодически делала крупные единовременные пожертвования общине: в 1899 г. — 10 тыс. руб. на устройство терапевтической клиники, в 1903 г. — еще 12 тыс. руб. и т. д. Еще более крупным было пожертвование в пользу Преображенской больницы для душевноболь-

ных — 100 тыс. руб. (при этом было получено разрешение помещать в это заведение больных по заявлению правления «Т-ва Саввы Морозова сын и К^о». Являлась она также членом Попечительства о бедных Мясницкой части (ежегодный взнос составлял 1 000 руб.) и многих других благотворительных органов.²⁴

После смерти мужа в 1889 г. Мария Федоровна полностью на свои деньги завершила строительство богадельни, получившей имя Т. С. Морозова, и оставила капитал на ее содержание (всего — свыше 700 тыс. руб.).²⁵

Для приюта во Владимире было передано 5 тыс. руб. «неприкосновенного капитала им. Т. С. Морозова»; для Дома трудолюбия, оказывавшего «помощь беднейшим жителям г. Владимира и его губернии», ежегодно перечислялось 1300 руб.; постоянно финансировались Владимирское благотворительное общество, Владимирская городская богадельня и многие другие учреждения губернии. Городской голова в 1906 г. с благодарностью писал Марии Федоровне: «...рука дающего не оскудеет... помогающий бедному дает как бы займы Богу».²⁶

Это далеко не все благотворительные деяния М. Ф. Морозовой. В своем завещании она выделила на эти цели 930 тыс. руб.²⁷

Слава благотворительницы М. Ф. Морозовой была так велика, что, несмотря на ее строгую приверженность старой вере (о чем всем было известно), даже иерархи официальной церкви просили у нее деньги. Так, архиепископ Владимирский Феогност обратился к ней за помощью и получил средства на «восстановление древнего Владимирского Успенского собора» (с 300 кв.м. рублевских фресок).²⁸ Кроме того, совершенно незнакомые люди, не имевшие отношения ни к морозовским фабрикам, ни к старообрядчеству, часто в письмах обращались с просьбами «спасти от окончательной нищеты» и выделить 80 руб., 10 руб. или подобные суммы.²⁹ Известен случай, когда старообрядка Морозова дала деньги на восстановление сгоревшей синагоги в одном из местечек Белоруссии в ответ на телеграмму местного раввина.³⁰

²⁰ ЦГА Москвы. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 62.

²¹ См.: Морозова Т. П., Поткина И. В. Указ. соч. С. 29–31 и др.; Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 115–121; Она же. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М., 1999. С. 184, 236, 238 и др.; Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004. С. 275–281 и др.

²² См., напр.: ЦГА Москвы. Ф. 357. Оп. 1. Д. 62.

²³ ЦГА Москвы. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 80–81.

²⁴ Там же. Л. 103, 140, 144, 177–178.

²⁵ Там же. Д. 77: 1894–1905.

²⁶ Там же. Л. 154, 155, 158, 165, 166, 173, 174, 175, 177, 181, 182, 183, 184.

²⁷ См.: Морозова Т. П., Поткина И. В. Указ. соч. С. 31

²⁸ ЦГА Москвы Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 77–78об.

²⁹ Там же. Л. 40, 41 и др.

³⁰ См.: Кривошеин К. А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 43.

Еще более важной чертой деятельности М. Ф. Морозовой был тот факт, что «темная» Мария Федоровна, якобы опасавшаяся электричества, считала образование очень важным делом, прямо заявляя: «Необходимо, нужно просвещать молодое поколение».³¹ С начала 1870-х гг. она курировала образование на предприятии мужа, позже, став главной попечительницей Николинского, Вауловского и Городищенского училищ, она фактически обеспечивала их содержание. С ее приходом к руководству училищ стало быстро расти число учеников, особенно малолетних.³² При этом Мария Федоровна настаивала на том, что получать образование должны и девочки. Фабричные училища были предназначены и для дочерей рабочих, что почти нигде не практиковалось.³³

Много средств передавала М. Ф. Морозова («истинный представитель “темного царства”»?)³⁴) на образование и вне фабрик — в различные московские гимназии, училища и даже в Московский Императорский университет.³⁵ Она неоднократно перечисляла крупные суммы Высшему техническому училищу в Москве, в том числе 125 тыс. руб. — на создание специальной лаборатории «механической технологии волокнистых веществ», еще 300 тыс. руб. и т. д., за что была принята Почетным членом в Общество вспомоществования нуждающимся студентам и в Общество по содействию улучшению и развитию мануфактурной промышленности.³⁶ Морозова была одним из пропагандистов женского образования в России. В частности, она выписала 3 тыс. руб. на создание Женского медицинского института в России «тому учреждению, коему будет поручено открытие названного института».³⁷

Не имея иного образования, кроме домашнего, М. Ф. Морозова считала очень важным для учеников школ знакомство с русской классической литературой. Отличившихся в

учебе премировали купленными на ее средства книгами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова, Н. А. Некрасова и др.³⁸ Мария Федоровна общалась со многими выдающимися людьми своего времени. Она переписывалась с Ф. В. Чижовым, уверяя его в своем «искреннем уважении и преданности»,³⁹ принимала В. О. Ключевского, обучавшего истории ее дочь Юлию. Именно Мария Федоровна прививала любовь к искусству своим детям: она отправляла их на спектакли в Малый театр, в Германии водила их на экскурсии в художественные музеи, в том числе в Дрезденскую галерею, глубоко их впечатлившую.⁴⁰ Вопреки мнению правнука, она тепло относилась к И. И. Левитану, разрешив ему жить и создать мастерскую во флигеле при морозовском доме в Трехсвятительском переулке (здесь В. А. Серов написал портреты Марии Федоровны и Левитана). Когда Левитан умер, она распорядилась, чтобы его проводили в последний путь как близкого семье человека, и оплатила все расходы. Тот флигель она и позже называла «левитановским».⁴¹ Кроме того, якобы «далекая от духовных запросов сыновей»,⁴² Мария Федоровна в действительности поддерживала старшего сына Савву в его любви к театру («Строй свой театр, строй», — сказала она ему⁴³), финансируя «мастерские и склад декораций для Художественного театра во владении Морозова» в Москве.⁴⁴ Она затратила 500 тыс. руб. на строительство театра для рабочих в городе Орехово-Зуево, где бывали «на гастролях» артисты оперы Зимина и Московского художественного театра.⁴⁵

Еще важнее была предпринимательская и управленческая деятельность М. Ф. Морозовой. Она владела и распоряжалась лавками в Зеркальном и Воцном рядах в Москве, полученными по наследству от своего брата А. Ф. Симонова.⁴⁶ Но самым главным в жизни Марии Федоровны и Тимофея Саввича Морозова было их общее Дело — фабрики. При жизни мужа

³¹ Поткина И. В. На Олимпе делового успеха... С. 275.

³² Там же. С. 193.

³³ См.: ЦГА Москвы. Ф. 342. Оп. 2. Д. 146; Д. 152; Д. 176; Д. 284; Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 131, 132 и др.

³⁴ Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 101. Кстати, пьеса А. Н. Островского была воспринята противниками старообрядчества как описание жизни именно «раскольников» (см., напр.: На ночлеге и в пути. (Несколько фактов из прошлого Рогожского кладбища): рассказ одного из обращенных. М., 1860. С. 1).

³⁵ См.: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха. С. 275–281.

³⁶ См.: Кривошеин К. А. Указ. соч. С. 43; Поткина И. В. На Олимпе делового успеха. С. 277.

³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.

³⁸ См.: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха... С. 194.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 322: Ф. В. Чижов. К. [Оп.] 41. Д. 16. Л. 2.

⁴⁰ Именно Мария Федоровна уговорила мужа после Берлина поехать в Дрезден для ознакомления со знаменитой галереей (Морозова Т. П., Поткина И. В. Указ. соч. С. 22, 23; Поткина И. В. На Олимпе делового успеха. С. 280).

⁴¹ Морозова Т. П., Поткина И. В. Указ. соч. С. 29.

⁴² Боханов А. Н. Указ. соч. С. 101.

⁴³ Морозова Т. П., Поткина И. В. Указ. соч. С. 29.

⁴⁴ ЦГА Москвы. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 87.

⁴⁵ См.: Кривошеин К. А. Указ. соч. С. 43.

⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 8, 80б.

она полностью взяла на себя решение социальных проблем. Занималась богадельней, всеми медицинскими учреждениями, казармами и пр.⁴⁷ Тимофей Саввич не разрешал без нее производить обустройство территории, а ведь только в поселке Никольское насчитывалось в середине 1880-х гг. свыше 450 собственно фабричных и жилых зданий, почти полностью принадлежавших Товариществу,⁴⁸ но были еще Зуево, Ваулино и пр. «...Погодите делать до приезда Марии Федоровны», — писал Морозов в «Памятной книге распоряжений [по фабрикам] г-на Тимофея Саввича...»⁴⁹

Иногда Т. С. Морозов давал жене различные поручения и за пределами фабрик. Для этого он не раз выдавал Марии Федоровне свидетельства о том, что «мы состоим мужем и женой» или что «она состоит в замужестве со мной более сорока лет и ни разу не подвела».⁵⁰ В последние же годы Тимофей Саввич вообще оформил на имя Марии Федоровны доверенность с правом «заведовать и управлять» всей его собственностью.⁵¹

После смерти мужа Морозова была введена в наследство, получив почти все его имущество,⁵² в том числе почти все паи (что вместе с ее долей составило около 9/10 их общего числа). При этом она стала не просто полноценной хозяйкой предприятий Товарищества, обладая к 1911 г. личным состоянием свыше 30 млн руб.⁵³ По свидетельствам современников, эта женщина «с непререкаемым авторитетом и энергией»,⁵⁴ «очень властная, с ясным умом, большим житейским опытом и самостоятельными взглядами» фактически «была и главою фирмы и главой многочисленной семьи».⁵⁵ Она умело распоряжалась и другими активами, например паями Волжско-Камского банка, войдя (по наследству от мужа) в число его учредителей.⁵⁶

Используя советы привлеченных еще Тимофеем Саввичем «топ-менеджеров», Мария Федоровна активно участвовала в развитии системы «децентрализованного управления» в духе «отца» теории менеджмента А. Файоля (который, впрочем, опубликовал свою знаменитую работу «Общее и промышленное управление» позже).⁵⁷ По словам одного из директоров предприятия, «она была целиком проникнута одним горячим желанием — пользы, успеха и процветания Товариществу». Именно ей как директору-распорядителю ставили в заслугу расширение дела, увеличение оборотных средств и пр.⁵⁸

Как руководитель такого серьезного предприятия М. Ф. Морозова участвовала в деятельности различных общественных, сословных и предпринимательских учреждений (в частности, Московского биржевого общества), правда, в соответствии с законодательством того времени, не лично, но через своих доверенных лиц. Так, на выборах в гласные Московской городской думы в 1890-е гг. ее представлял один из директоров фабрики и зять А. А. Назаров.⁵⁹

Конечно, Мария Федоровна, как и многие другие старообрядки-предпринимательницы, сохраняла в быту черты традиционалистской купчихи из ревнителей древнего благочестия. Она содержала приживалок; ее дом в Трехсвятительском переулке не был подключен к канализации даже в ходе массовой кампании 1903 г., чтобы не беспокоить хозяйку дома работами «в связи с преклонным возрастом и постоянным болезненным состоянием».⁶⁰ Однако, как это, в целом, было характерно для многих российских предпринимателей-старообрядцев независимо от их пола, сохраняя традиционалистские черты в быту, М. Ф. Морозова проявляла в своих титанических благотворительных усилиях отнюдь не «показное» благочестие. Одновременно она активнейшим образом способствовала развитию образования на фабриках «Товарищества Саввы Морозова сын и К^о» и в стране в целом, а главное — предпринимала значительные усилия по развитию и модернизации огромного предприятия, которым управляла.

⁴⁷ Там же. Ф. 342. Оп. 2. Д. 3. Л. 545, 762; Д. 14. Л. 179. Оп. 6. Д. 14, 16, 97, 99.

⁴⁸ См.: Лаврычев В. Я., Соловьева А. М. Боевой почин российского пролетариата. К 100-летию Морозовской стачки 1885 г. М., 1985. С. 29.

⁴⁹ ЦГА Москвы. Ф. 357. Оп. 1. Д. 18: 1877 г. Л. 128.

⁵⁰ Там же. Д. 11. Л. 31, 35 и др.

⁵¹ Там же. Л. 147.

⁵² Там же. Д. 47.

⁵³ См.: Соловьева А. М. Прибыли крупной промышленной буржуазии в акционерных обществах России в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1984. № 3. С. 47.

⁵⁴ Кривошеин К. А. Указ. соч. С. 43.

⁵⁵ Бурышкин П. А. Москва купеческая. М., 1990. С. 114. См. также: Кривошеин К. А. Указ. соч. С. 43.

⁵⁶ ЦГА Москвы. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 25, 68.

⁵⁷ См.: Керов В. В., Шпотов Б. М. Этические концепции эффективного менеджмента в США и России в конце XIX — начале XX века. Опыт сравнительного анализа // Американский ежегодник. 1999. М., 2001. С. 164–193.

⁵⁸ Цит. по: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха. С. 142, 143.

⁵⁹ ЦГА Москвы. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 89.

⁶⁰ Там же. Л. 43.

Valery V. Kerov

Doctor of Historical Sciences, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow)

E-mail: *vvkerov@gmail.com*

MARIA MOROZOVA AND OTHERS: GENDER ASPECT
OF THE OLD BELIEVERS' ENTREPRENEURSHIP

The paper describes the role of female Old Believers in the evolution of the Russian entrepreneurship. In the Old Believers' environment, where it was necessary to generate funds for supporting everyday life of the communities, for stimulation of their population growth and influence, as well as for protection from prosecution by the authorities, women played an important role. They held positions of prominence in entrepreneurial communities. An outstanding, but at the same time typical representative of this type of women was M. F. Morozova (1830–1911) Following the traditions of many Russian Old Believers entrepreneurs who, regardless of gender stuck to traditionalist way of life at home, she was at the same time engaged in a wide range of social and charitable activities sparing no efforts on improving the level of education of her factories' employees and the education standards in the country in general, and, most importantly, was very actively involved in modernization of her huge enterprise.

Keywords: *Russia, industrialization, Old Belief, entrepreneurship, women, gender status, charity, education, management*

REFERENCES

- Bespalova Yu. M. *Tsennostnye orientatsii predprinimateley v Rossii (na materialakh zapadnosibirskogo predprinimatelstva vtoroy poloviny XIX – nachale XX vv.)* [Valuable orientations of businessmen in Russia (on materials of the West Siberian business of the second half of XIX – the beginning of the XX centuries)]. St. Petersburg: SPbGUEF Publ., 1999. 125 p. (in Russ.).
- Bokhanov A. N. *Kolleksionery i metsenaty v Rossii* [Collectors and patrons in Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 192 p. (in Russ.).
- Borisov V. V. *Mumrikovy* [Mumrikova]. Staroobryadchestvo: Istoriya, kultura, sovremennost — Old Belief: History, culture, present. Moscow: Muzei istorii i kultury staroobryadchestva Publ., 2002, pp. 123–128. (in Russ.).
- Buryshkin P. A. *Moskva kupecheskaya* [Moscow merchant]. Moscow: Stolitsa Publ., 1990. 352 p. (in Russ.).
- Chastnoe predprinimatelstvo v dorevolyutsionnoy Rossii: etnokonfessionalnaya struktura i regionalnoe razvitiye, XIX – nachalo XX v.* [Private business in pre-revolutionary Russia: ethnoconfessional structure and regional development, XIX – the beginning of the XX century]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 551 p. (in Russ.).
- Douling K. *Kupty-staroobryadtsy Butikovy* [Butikova's Old Believers merchants]. Staroobryadchestvo: Istoriya, kultura, sovremennost — Old Belief: History, culture, present. Moscow: Muzei istorii i kultury staroobryadchestva Publ., 2005, Vol. 1, pp. 213–223. (in Russ.).
- Gorbatskiy A. A. *Staroobryadchestvo na belorusskikh zemlyakh* [Old Belief on the Belarusian lands]. Brest: Izd-vo Brestskogo GU Publ., 2004. 237 p. (in Russ.).
- Kerov V. V. «*Se chelovek i delo ego...*»: *Konfessionalno-eticheskie faktory staroobryadcheskogo predprinimatelstva v Rossii* [“Xie of people and his business ...”: Confessional and ethical factors of Old Belief business in Russia]. Moscow: Ekon-inform Publ., 2004. 654 p. (in Russ.).
- Kerov V. V. «*V staroobryadchestve zhenshchina poluchila preimushchestva*»: *gendernyy status zhenshchiny v staroverii i ego faktory* [“The woman got advantages in Old Belief”: the gender status of the woman in staroveriya and its factors]. *Chastnoe i obshchestvennoe: gendernyy aspekt. Mat-ly Chetvertoy mezhdunar. nauch. Konf. RAIzHI — Private and public: gender aspect. Materials of the Fourth international scientific conference. RAIzHI.* Moscow: IAE RAN Publ., 2011. Vol. 1, pp. 168–173. (in Russ.).
- Kerov V. V. *Mesto zhenshchiny v staroobryadcheskom soobshchestve i predprinimatelstve* [The woman's place in Old Belief community and business]. *Zhenshchina v staroobryadchestve: Mat-ly Mezhdunar. nauchno-praktich. konf. — The woman in Old Belief: Materials of the International scientific and practical conference* Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU Publ., 2006, pp. 14–23. (in Russ.).
- Kerov V. V., Shpotov B. M. *Eticheskie kontseptsii effektivnogo menedzhmenta v SShA i Rossii v kontse XIX – nachala XX veka. Opyt sravnitel'nogo analiza* [Ethical concepts of effective management in the USA and Russia at the end of XIX — the beginning of the XX century. Experience of the comparative analysis]. *Amerikanskiy ezhegodnik — American year-book*, 1999. Moscow: Nauka Publ., 2001, pp. 164–193. (in Russ.).

- Krivoshein K. A. *Aleksandr Vasilevich Krivoshein. Sudba rossiyskogo reformatora* [Alexander Vasilyevich Krivoshein. Destiny of the Russian reformer]. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ., 1993. 263 p. (in Russ.).
- Kusova I. G. *Ryazanskoe kupechestvo: Ocherki istorii XVI — nachala XX v* [Ryazan merchants: History XVI sketches - the beginnings of the XX century.]. Ryazan: Mart Publ., 1996. 160 p. (in Russ.).
- Laverychev V. Ya., Soloveva A. M. *Boevoy pochin rossiyskogo proletariata. K 1000-letiyu Morozovskoy stachki 1885 g.* [Fighting initiative of the Russian proletariat. To the 1000 anniversary of Morozovsky strike of 1885.] Moscow: Mysl Publ., 1985. 270 p. (in Russ.).
- Makarov I. A. *Uvazhaemye grazhdane Nizhnego Novgoroda* [Dear citizens of Nizhny Novgorod]. Kazhdyy rod znamenit i slaven. Iz istorii nizhegorodskogo predprinimatelstva XVII — nachala XX veka — Each sort is well-known and nice. From history of the Nizhny Novgorod business of XVII — the beginning of the XX century. Nizhny Novgorod: Nizhpoligraf Publ., 1999. pp. 77–86. (in Russ.).
- Minenko N. A. *Zhivaya starina. Budni i prazdniki sibirskoy derevni* [Live old times. Everyday life and holidays of the Siberian village]. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo GU Publ., 1989. 265 p. (in Russ.).
- Morozov S. T. *Ded umer molodym: dokumentalnaya povest* [The grandfather died the young: documentary story]. Moscow: Rubikon Publ., 1992. 199 p. (in Russ.).
- Morozova T. P., Potkina I. V. *Savva Morozov* [Savva Morozov]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1998. 206 p. (in Russ.).
- Ocherki po istorii i kulture staroverov Estonii* [Sketches on history and culture of conservatives of Estonia]. Tartu: Izd-vo Tartuskogo Uni. Publ., 2004. 318 p. (in Russ.).
- Potkina I. V. *Pravovoe regulirovanie predprinimatelskoy deyatel'nosti v Rossii XIX — pervaya chetvert XX v.* [Legal regulation of business activity in Russia XIX — the first quarter of XX] Moscow: Norma Publ., 2009. 304 p. (in Russ.).
- Potkina I. V. *Na Olimpe delovogo uspekha: Nikolskaya manufaktura Morozovykh. 1797–1917* [On the Olympus of business success: Nikolsky manufactory of Morozov. 1797–1917.]. Moscow: Izd-vo Glavarkhiva Moskvyy Publ., 2004. 384 p. (in Russ.).
- Skubnevskiy V. A., Startsev A. V., Goncharov Yu. M. *Kupechestvo Altaya vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.* [Merchants of Altai of the second half of XIX — the beginning of the XX century]. Barnaul: Izd-vo Altayskogo GU, 2001. 241 p. (in Russ.).
- Solovev S. M. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow: Nauka Publ., 1993, Vol. 8. 640 p. (in Russ.)
- Soloveva A. M. *Pribyli krupnoy promyshlennoy burzhuazii v aktsionernykh obshchestvakh Rossii v kontse XIX — nachala XX veka* [Profits of the upper industrial bourgeoisie in joint-stock companies of Russia at the end of XIX - the beginning of the XX century]. Istoriya SSSR. 1984, No. 3. pp. 34–49. (in Russ.).
- Ulyanova G. N. *Blagotvoritelnost moskovskikh predprinimateley. 1860–1914* [Charity of the Moscow businessmen. 1860–1914]. Moscow: Izd-vo obedineniya «Mosgorarkhiv» Publ., 1999. 512 p. (in Russ.).
- Ulyanova G. N. *Zhenshchiny semi Morozovykh: blagotvoritelnost kak semeynaya traditsiya* [Women of a family of Morozov: charity as family tradition]. Morozovy i ikh rol v istorii Rossii. Trudy pervykh Morozovskikh chteniy — Morozov and their role in the history of Russia. Works of the first Morozovsky readings.. Noginsk: Bogorodskiy pechatnik Publ., 1995. pp. 115–121. (in Russ.).
- Voloshina Ye. S. *Yuridicheskie aspekty zhenskogo predprinimatelstva v Rossii v 1910–1917 gg.* [Legal aspects of female business in Russia in 1910–1917]. Konferentsii, diskussii, materialy — Conferences, discussions, materials. 2004. Moscow: Ekon-inform Publ., 2003, pp. 45–52. (in Russ.).
- Yukhimenko Ye. M. *Staroobryadcheskiy tsentr za Rogozhskoyu zastavoyu* [The Old Belief center for Rogozhskoyu an outpost]. Moscow: Yazyki lavyanskoy kultury Publ., 2005, 240 p. (in Russ.).
- Yurkin I. N. *O tak nazyvaemom «staroobryadcheskom kapitalizme» v svete problem, svyazannykh s izucheniem statistiki gorodskogo staroobryadchestva XVIII v.* [About so-called “Old Belief capitalism” in the light of the problems connected with studying of statistics of city Old Belief of the XVIII century]. Staroobryadchestvo kak kulturno-istoricheskiy fenomen — Old Belief as cultural and historical phenomenon. Gomel: Izd-vo GomGU Publ., 2002, pp. 291–295. (in Russ.).
- Yurkin I. N. *Problemy statistki gorodskogo staroobryadchestva XVIII v.: znachenie, trudnosti, vozmozhnye puti ikh preodoleniya* [Problems of the mute of city Old Belief of the XVIII century: value, difficulties, possible ways of their overcoming]. Staroobryadchestvo: istoriya, kultura, sovremennost — Old Belief: history, culture, present. Moscow: Muzey istorii i kultury staroobryadchestva Publ., 2005, vol. 1, pp. 125–133. (in Russ.).
- Zhenshchina v staroobryadchestve: Materialyly Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The woman in Old Belief: Materialyly Mezhdunarodnoy of scientific and practical conference]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU Publ., 2006. 247 p. (in Russ.).

К статье В. В. Керова



Портрет Марии Федоровны Морозовой.
В. А. Серов. Холст, масло. 1897 г.